

История семьи Худяевых

Каждому надо знать свою родословную. В детстве об этом не думаешь: знаешь своих родителей, дедушек, бабушек, братьев, сестёр родных и двоюродных, дядей и тётей. И всё. А когда подрастаешь, становишься взрослой, начинаешь копать глубже, жалеешь, что раньше не думала, не расспросила, не записала, а теперь уже поздно. Смотришь на старые фотографии в семейном альбоме и думаешь: а кто они были, какова их судьба, где живут их дети, кто они. Вот и у меня давно появилась потребность узнать больше о своих предках. Чем я тогда располагала? Фотографии в старых альбомах, отдельные предметы их жизни, упоминания о них в каких-то книгах, журналах, а главное – свои воспоминания, рассказы родственников. Но многое уже забыто, спросить не у кого. Трудности жизни, войны разметали моих родичей по всему свету, многие давно уже умерли и ничего рассказать не могут.

Что я знала о своих? Слышала, что у отца – Худяева Михаила Алексеевича – была очень большая семья: 6 братьев и 6 сестёр. Дедушка, Алексей Павлович Худяев, был художником, окончил Санкт-Петербургскую Академию Художеств, иконописец, оформлял-расписывал вместе с другими художниками внутренние стены стоявшего на площади Стефановского собора. Но, если я кому-то говорила, что мой дед расписывал стены этого великолепного собора, то люди скептически улыбались: сочиняет, мол девушка себе биографию, разве мог коми крестьянин из маленькой деревушки Дав, что возле большого села Выльгорт, попасть в Санкт-Петербург и выучиться на художника. Не-е-ет! Тут, брат, нужны настоящие мастера, приезжие.

А ведь было это всё, не какая-то семейная легенда. Я помню наш дом по улице им. Ленина, 65; тогда, до революции, кажется, это была Троицкая улица. Наш дом был третьим от Стефановской площади. Я помню и эту площадь, но уже без собора. В 30-х годах, когда мне было года 4, собор был взорван, глыбы прочно спаянных кирпичей вздымались на его месте. Площадь была окружена плотным дощатым забором, но мы, дети, умели находить лазейки в нём и проникали внутрь, лазили по кучам кирпича, что-то искали.

При нашем деревянном одноэтажном доме на две половины (летнюю и зимнюю), как это делалось в коми деревнях, были большой огород, сад из берёз, они разделялись небольшим хмельником, хотя при мне хмель уже не было, торчали одни жерди, и двор, куда приезжавшие на базар из Выльгорта родственники заводили лошадей, а сами заходили к бабушке Марии Григорьевне неспешно попить чаю из самовара, поделиться новостями, отдохнуть.

Рассказывали, что дедушка и бабушка были из одной деревни Дав, полюбили друг друга, решили пожениться. Но родители той и другой стороны воспротивились. Тогда молодая парочка самовольно сбежала в город Усть-Сысольск, благо он был совсем рядом. Поселились в небольшой хибарке одинокой старушки, помогали ей в хозяйстве, договорились, что после её смерти они построят на этой земле свой дом.

Так вот, в саду среди берёз стоял большой амбар с двумя дверями. В бабушкиной половине был всякий ненужный хлам, а во второй стоял старый шкаф, на полках которого находилось множество листов очень хорошей ватманской бумаги с рисунками – то это была человеческая рука, то голая нога, то крылья ангела, то головы бородатых людей с кругами-нимбами над головой. Рисунки были очень правильными, чёткими, в них чувствовалась рука настоящего художника. Выполнены они были

чёрным карандашом или тушью. По-моему, это были рисунки дедушки, эскизы. Ему было удобно их хранить здесь, ведь место его работы – собор – было в двух шагах от дома.

Тут же, в шкафу, и на полках вдоль стен амбара было множество банок и кистей с засохшими красками. Мы, дети, – к нам приходили ещё и двоюродные братья Борис и Игорь, тоже Худяевы (бабушка-то у нас была одна), жившие от нас через огород соседей, – частенько рассматривали эти эскизы.

В доме, в нашей половине, на стенах висели портреты бабушки и дедушки, писанные маслом. Бабушка – ещё не старая, круглолицая, голубоглазая, румяная, очень красивая. Дедушка, видимо, постарше её – с бородой, лицо продолговатое. Рисовал кто-то из их сыновей. Кроме портретов, в доме ещё были картины в рамах – финский пейзаж: море и крупные камни, вдаль за деревьями просматривается то ли башня, то ли замок. Висела и большая картина между окнами: на фоне зимнего леса по дороге мчится тройка лошадей с седоками, а с другой стороны от дороги, спиной к зрителю, выходит охотник с ружьём, рядом – собака, лайка, хвост кольцом. Были и другие картины. Который из братьев рисовал их, мы не спрашивали. Скорее всего – дядя Ваня, у нас в альбоме есть даже фотография его с палитрой и кистью в руках. Отец говорил мне, что все братья немного рисовали. Одни лучше, другие – так, для интереса.

Была у Худяевых когда-то фотография. Об этом говорили родственники, да и я застала кое-что. К дому, со стороны огорода, позже была пристроена веранда-павильон, туда приходили люди фотографироваться. Братья и дед сами рисовали задники, расписывали райские куши, на фоне которых велась съёмка. До меня дошли красивые столики на одной ноге, которые уже использовались в доме. А так, полы уже прогнили, рам со стёклами не было, стены павильона ободрались. Удивительно, что хоть это сохранилось. Началась I мировая война. Братьев отправили на фронт, дедушка ещё раньше умер, и всё заглохло.

Сохранились лишь фотографии на картонках с виньетками, люди удобно сидели за круглыми столиками, рисунки на задах имитировали южную природу. Много снимали и друг друга, родителей, сестёр. На некоторых снимках стояла печать – "Фотография А.П.Худяева". Дошла до нас даже печать "А.П.Худяевъ", мы, дети, использовали её – метили свои книги, как в библиотеках.

Всё это пропало с годами, остался лишь десяток-другой фотографий. Дом в 1956 году снесли, хотели построить там здание Комилеса, но под почвой обнаружился плавун, и решили разбить тут сквер. На площади, где сейчас Дом правительства, было захоронение и памятник героям гражданской войны. Все останки и памятник перенесли в этот сквер, на место нашего огорода.

Во время империалистической войны три брата – Саша, Ваня и Проня (говорили, что он был лётчиком на войне) – погибли. Дядя Коля и отец наш – Миша – участвовали в гражданской войне, были на Севере в Красной Армии. Был у бабушки ещё один сын – Сергей, есть даже фотокарточка, где она с примерно 10-летним мальчиком, но он потом умер, ещё подростком.

Из дочерей я застала в Сыктывкаре лишь Парасковью Карандашеву и Ольгу. Тётя Оля с мужем Глазачевым и двумя детьми – мальчиком и девочкой где-то в 1932–33 годах уехали в Ленинград и по слухам умерли все от голода в блокаду. Может быть, отец и сын Глазачевы были в армии тогда, но сведений об этом не было. Парасковья долго жила в Сыктывкаре, вроде

бы сын её Карандашев был строителем, возводил родильный дом на нынешней улице им.Бабушкина. Парасковья унаследовала полдома после смерти бабушки Марии Григорьевны в 1943 году. Много фотографий осталось от тёти Тони Добряковой, которая до войны жила с мужем и сыновьями в Москве. Два сына – старшекласника даже приезжали к бабушке в гости до войны. Есть фотография старшей сестры Анны – в белой шляпе, длинном белом платье, снималась в Москве. На обороте – поздравление матери с днём рождения, пометка – 1908 год, подпись: Анна. Замуж, говорят, она не выходила, работала стенографисткой. Надо сказать, что Московские дочери не забывали до войны свою маму, посылали посылки, поздравления.

Была у бабушки ещё одна дочь Лидия, но вроде бы она умерла ещё девушкой. Не знали мы, кто же была шестой дочерью? Но вот Надежда Алексеевна Митюшова, краевед, которая многим помогала в исследовательской работе, рассказала, что в семье Худяевых была ещё одна дочь Пелагия. Всё сошлось, 6 дочерей, но почему-то наша мама упорно говорила, что папа наш, Михаил, был 13-м ребёнком в семье. Загадка.

Долго я сомневалась, действительно ли дедушка наш расписывал стены Стефановского собора, был ли мой отец 13-м ребёнком, а не 12-м, долго ли существовала фотография Худяевых, ведь во многих изданиях говорилось лишь о фотографии Кулакова, как единственной в то время в городе?

И вот недавно моя подруга Римма Максимовна Леванова (в девичестве Макарова) показала мне очень любопытную книгу М.И.Ельсовой "Родословная роспись уроженцев села Вильгорт за XVI-XX века", изданную в Сыктывкаре в 2004 году. Здесь просматриваются поколения многих известных людей, вышедших из Вильгорта, прослеживаются их фамилии, начиная с XVI века. Отдельные статьи посвящаются видным деятелям, вышедшим из Вильгорта. Даются сведения о представителях 28 фамилий – Ватамановых, Власовых, Жаковых, Кузивановых, Чеусовых, Худяевых, Оплесниных и других. Прделана огромная, кропотливая работа. Тираж всео 380 экземпляров, но, думается, эта книга заслуживает большего тиража.

Передавая мне книгу, Римма Максимовна сказала:
– Посмотри. Здесь есть и Худяевы, может, и про вашу семью что-нибудь есть, ведь они тоже из Вильгорта...

Нашла. Спасибо всем за такую подсказку, а автору книги особая благодарность. Нашла всё, что искала, но и загадок стало больше.

На стр.160, в X поколении Худяевых, читаю: "85/55 Худяев Алексей Павлович (08.02.1852 – ум.ок.1910 г.), крестьянин д.Дав, переехал в г.Усть-Сысольск, окончил Санкт-Петербургскую Академию Художеств, иконописец, в 1897 г. открыл фотомастерскую в Усть-Сысольске. Жена – Мария Григорьевна (01.04.1858 – 1943 гг.), дочь Жакова Г.Е. (1826 г.р.). Дети – Александр (р.15.08.1877 г.) – погиб в I мировую войну, фотограф; Прасковья (1878 г.); Анна (1881 г.); Лидия (1885 г.); Платонида (26.03.1886 г.)– муж Карандашев; Ольга (07.07.1887 г.) – муж Глазачев; Елена (23.05.1889 г.); Михаил (1901 г.); Иван (ок.1880 г.)– погиб в I мировой войне, фотограф; Николай (ок.1890 г.)".

Как же так? Вроде всё верно. Но куда девался Проня (лётчик, погибший в I мировой войне)? У нас даже есть фотография его, на обороте написано: "Проня Худяев, 1912 год". Есть фотографии дяди Саши, он красивый, с усами, в какой-то военной офицерской форме. Дядя Ваня тоже изображён

на нескольких снимках. Оба отмечены в книге как фотографии и погибшие на войне.

Почему-то нет тётки Тони. Или это Платонида и есть Тоня? Но ей приписывают мужа Карандашева. А тётя Тоня была Добрякова. А Карандашева была Прасковья. И откуда взялась Елена? И почему Н.А.Митюшова говорила, что была ещё Пелагия? Опять загадки?

Листаю книгу дальше. На стр. 192 говорится о дяде Коле и чуть ниже о моём отце Михаиле Алексеевиче Худяеве: XI поколение. 127/85. Худяев Николай Алексеевич (ок.1890–1945 гг.) г.Сыктывкар. Жена – Александра Ефимовна (1896 г.р.), дочь Худяева Е.Г. (1859 г.р.). Дети: Борис (1923 г.р.) – уч-к ВОВ, переехал в Ухту; Игорь (1926–1976). Игорь тоже участвовал в ВОВ, а Борис не так давно отмечал 81 года и живёт по-прежнему в Ухте.

"128/85. Худяев Михаил Алексеевич (1901–1942 гг.), фотограф в Сыктывкаре". Отец фотографом не был. Может, до начала империалистической войны помогал братьям по фотографии, но было ему тогда 13–14 лет. "Жена – (здесь прочерк)". Маму звали Екатерина Михайловна (1899–1980). "Дети: Маргарита (1926 г.р.); Валентина (1928 г.р)". Тут надо добавить, что мама работала учительницей в Шошке, потом в Выльгортке инспектором РОНО, была награждена орденом "Знак Почёта" в 1939 г. Остальные годы руководила в Сыктывкаре профсоюзным комитетом учителей (республиканским). По графе "Дети": Маргарита – участница ВОВ, журналист; Валентина – 1941 года рождения, а не 1928 г., экономист. Нет Сергея, нашего старшего брата (1924 г.р.). Он учился в школе N 1 и в пединституте. Был мобилизован в армию в 1942 г., воевал, стал лейтенантом и погиб в 1944 г. в Литве при прорыве наших войск в Восточную Пруссию. Мы, 2 сестры, в 1991 году ездили к нему на могилу на братское кладбище на станции Кибартай (граница Литвы с Калининградской областью). Отец, Михаил Алексеевич, тоже погиб в декабре 1942 г. под Сталинградом. Так они, отец и сын, снова встретились на одной плите мемориала у священного огня на месте бывшего Сыктывкарского военкомата, откуда уходили на войну и те, кто больше домой не вернулся.

На стр. 33 есть сведения и о бабушке Жаковой Марии Григорьевне.

Вот что я узнала о своей семье. И всё это благодаря книге М.И.Ельсовой. Но фамилия наша не прекратилась. Жив ещё сын Коля у Игоря, т.е. внук Николая Алексеевича. Сохранила свою фамилию Худяева Валентина, даже сына назвала Сергеем, а у Сергея в Москве недавно родился сын Фёдор Худяев – правнук Михаила Худяева. Жизнь продолжается.

Леканова (бывшая Худяева) Маргарита Михайловна.
02.04.2005 г.

Об авторе: Худяева Маргарита Михайловна родилась 1926 году. Окончила КГПИ в Сыктывкаре. Работала журналистом, редактором. Ныне пенсионерка. Домашний телефон 43-40-79.

Записала Малыгина А.Г.
25.04.2005 г.

Подготовил к публикации на сайте Оксюзьян Д.В.
11.01.2022 г.